Чернышевский Н. Г. Жизнь Жоржа Санда // Чернышевски

Unknown Author

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чернышевский Николай Гаврилович

•

ЖИЗНЬ ЖОРЖА САНДА
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ
(Hiatoire <1e ma vie. Paris, 7854—1850, XHI vol.j Предисловие

Едва ли какое-нибудь явление в изящной словесности последних двух или трех лет имело столь сильный успех, как мемуары Жоржа Санда. Успех этот был вполне заслужен. «Современник» почел своею обязанностью знакомить русскую публику с новым произведением этой писательницы, по мере того как оно [печаталось'] в фельетонах одной из парижских газет. Четыре статьи, помещенные в «Современнике» 1854 и 1855 годов («История моей жизни», Жоржа Санда. «Современник», 1854, № XII и 1855, №№ I, III и VII), представляют почти полный перевод одиннадцати глав первой книги. Но потом мы остановились продолжением этих статей, увидев необходимость дождаться окончания «Записок» и тогда уже, на основании общего впечатления, производимого всем целым, решить, какую форму удобнее избрать нам для передачи их содержания на русском языке. Такое замедление было вынуждено и объемом и самым тоном «Записок». Казалось, что Жорж Санд намерена дать им громадный размер, без разбора печатая все письма своих родственников, хотя б эти письма и не заключали в себе ничего интересного для публики, даже ничего относящегося прямо к ее собственной жизни; кроме того, рассказ прерывался длинными размышлениями и отступлениями, нимало не любопытными для русской публики. Все это вместе страшно растягивало биографию. Мы видели, что четыре напечатанные нами статьи не подвинули еще рассказа... не говорим: до рождения автора, — даже до знакомства ее будущих родителей между собою.

Мы прочитали еще том парижского издания, и все еще речь шла о временах, предшествовавших рождению автора; прочли еще том, и все еще тянулись письма ее бабушки, отца или матери, длинные и бесчисленные, тянулись воспоминания о тех временах детства, о которых, по собственному признанию, автор почти ничего не помнит; тянулись общие размышления о воспитании, человеческой жизни, религии и т. д. Переводить все это значило бы утомить читателей и без пользы для кого бы то ни было пожертвовать сотнями и сотнями страниц. Мы решились

дождаться окончания «Записок» и тогда, сообразно большему или меньшему интересу, какой будут иметь они в целом, представить читателям более или менее подробный рассказ их содержания. Теперь «Записки» кончены. Они страшно растянуты, особенно в первой и самой большой по объему половине, обнимающей время до выхода Авроры Дюпен (г-жи Жорж Санд) замуж. Целые десятки страниц наполнены иногда скучными письмами или рассуждениями, которые хороши были бы, как отдельные диссертации о том или другом: психологическом, нравственном или юридическом вопросе, но бесполезно замедляют биографический рассказ. Итак, вполне переводить «Записки» г-жи Жорж Санд невозможно. Тем не менее, автобиография заключает в себе очень много интересных фактов и прекрасных эпизодов. Иначе и быть не могло. Жизнь Жоржа Санда замечательна не только высоким психологическим развитием: она также богата драматическими [положениями]. Все это вместе сообщает ее «Запискам» высокую занимательность, кроме того, /порж Санд принимала сильное участие в исторических событиях, сближалась со многими замечательными людьми, и ее «Записки» прекрасно знакомят нас с некоторыми из них. Одним словом, успех, какой имели ее «Записки» не в одной французской, но также в немецкой и английской публике, был заслужен. Две трети или три четверти этих «Записок» скучны: но в остальной четверти находим много очень интересных сцен, характеристик и очерков. Мы постараемся извлечь их для читателя из огромной массы утомительных отступлений.

Некоторые отрывки мы будем переводить буквально, и в этих случаях, конечно, удержим «я» автора. Но большею частию мы должны будем пересказывать содержание «Записок», говоря о Жорже Санде в третьем лице. Автор пишет свою биографию в таком тоне, что простое извлечение было бы недостаточно: читать «Записки» Жоржа Санда без критики значило бы часто ошибаться относительно характеров и событий самым простодушным образом; представлять всех людей, о которых она говорит, в том самом свете, в каком представляются они ей, значило бы вводить в заблуждение читателя или возбуждать в нем досаду легковерною наивностью изложения.

В романах Жоржа Санда всегда бывает довольно много экзальтации, следствия которой — иногда излишняя мечтательность, в которой сходятся почти все ее герои и героини, иногда излишняя идеализация природы, людей и событий. В романах эти качества если и действуют на некоторых, впрочем, не очень многих, невыгодным образом, как картина, в которой слишком много пурпуровых и розовых оттенков, то на

большинство про* изводили сильное и благодетельное впечатление, противодействуя господствующей мелочности, холодности и пошлому бездушию; потому экзальтация романов Жоржа Санда, будучи недостатком с художественной точки зрения, придавала им новую силу для полезного действия на публику — вознаграждение, слишком достаточное для человека, знающего, что если произведение поэзии ничтожно без художественных достоинств, то без живого отношения к потребностям публики оно не будет заслуживать особенного внимания даже с эстетической точки зрения, как нечто холодное и мертвое.

Но если экзальтация имела свою хорошую сторону в романах Жоржа Санда, потому что была там совершенно уместна и отчасти даже нужна, то в автобиографических записках она производит на читателя впечатление решительно невыгодное: потому что историку надобно судить о людях хладнокровно, ему позволительнее смотреть на них недоверчивыми, нежели восторженными глазами. А человеку, который пишет свою собственную биографию, мы скорее готовы извинить самолюбие, потому что оно <более> откровенно, натурально и сообразно с сущностью его дела, нежели экзальтированное самоотрицание, которое ведет только к недомолвкам и несообразностям. Записки Жоржа Санда страдают всеми недостатками экзальтации, набрасывающей на многое какой-то фальшивый колорит. О себе говорит Жорж Санд — как всегда думают о себе экзальтированные люди — то с некоторым, прикрытым наружностью скромности, самопоклонением, то (и гораздо чаще) с искренним, но несправедливым самоотрицанием. Бабушку, отца и мать воображает и потому изображает она какими-то идеальными существами. Тою же неосновательною, хотя искреннею идеализациею отуманены портреты многих других людей, к ней близких. Все эти главные лица ее «Записок» не те люди, какие живут на белом свете, а полувоздушные существа; если доверчиво принимать все эпитеты и тирады, к ним относящиеся, то лица, действующие в «Записках» Жоржа Санда, имели бы в себе менее истины, нежели вымышленные персонажи ее романов: Буагибо, Кардонне, Жак, Кароль, Индиана, Лукреция Флориани действуют в обстановке более или менее идеальной, и потому действия их и отношения к другим лицам повести имеют внутреннее правдоподобие; это характеры выдержанные, цельные, гармонирующие и сами с собою и с общим колоритом мира, которым окружил их художественный инстинкт романиста. Но обстановка, в которой живут г-жа Дюпен, Морис, Виктория Делаборд, не могла быть изменена сообразно требованиям

художественной гармонии; вы понимаете, что самое идеальное лицо, среди людей и отношений, нимало не идеальных, не может действовать идеально, не может сохранить в жизни идеального характера, — и на самом деле в «Записках» беспрестанно проглядывают черты и подробности, показывающие вам, что в действительности многие из людей, изображаемых госпожою Жорж Саид героями и героинями, были не совсем таковы, как их представляет себе и вам автор. Особенно надобно сказать это о ее родственниках: бабушке, отце и матери. Тут идеализация, впрочем, очень естественна. Менее натурально, казалось бы, в человеке неэкзальтированном стремление выставить или невинными и непорочными, или великими всех других людей, из которых иные очевидно были не совсем чисты и вовсе не велики. Но дело в том, что Жорж Санд хочет воображать, будто не должна обвинять ни в чем никого из виновных перед нею: видите ли, она не имеет права ни на кого жаловаться, все люди вредят другим только по недоразумению или ошибке и т. д. Такие понятия очень благородны, и в них есть много правды; но, будучи доведены до крайности, они становятся не совсем справедливы и придают рассказу натянутость. Прибавим, что если мы будем оправдывать всех и во всем, то не успеем оправдать никого ни в чем. И потому читатель, который захотел бы смотреть на г-жу Дюпен, ее сына и невестку (бабушку и родителей г-жи Жорж Санд), на г. Дюдевана (ее мужа), на Шопена (знаменитого композитора) и проч. глазами автора, мало-помалу разочаровался бы в них совершенно, и начав тем, что смотрел бы на них слишком наивно, кончил бы тем, что назвал бы их людьми очень дурными. На самом деле они были люди так себе, как большинство людей. Мы не обязаны закрывать глаза, чтобы разделять предубеждения автора в их пользу, и постараемся представить их в натуральном свете, основываясь более на фактах, представляемых автором, нежели на его мнениях. В этой более сообразной с действительностью обстановке личный характер самого автора и его жизнь, если и не явятся нам в ореоле неправдоподобной надоблачности (которая показалась бы вероятна разве немногим, слишком наивным душам), то и не подадут повода предполагать основательность клевет, которыми чернили эту писательницу [грязные или тупоумные люди]: равнодушный рассказ наш, который нельзя упрекнуть в излишней доверчивости, оставляет недоразумениям гораздо меньше места, нежели самые записки автора, который часто затемняет дело, отстраняя на второй план важнейшие обстоятельства излишними рассуждениями о том, чтб или ясно само по себе, или не относится к главному предмету. Надобно вникнуть в эти существенные черты, чтобы сквозь обманчивый

колорит экзальтации рассмотреть людей, имевших влияние на развитие и судьбу Жоржа Санда, в их истинном виде. Тогда мы яснее поймем развитие ее характера, и личность ее представится нам именно такою, какою обнаруживалась в ее поэтических произведениях: это натура чрезвычайно сильная, которая только от неблагоприятных обстоятельств воспитания и ложного положения, какими окружила ее судьба, получила характер отчасти болезненной восторженности, впрочем, не заглу-шнвшеи здоровых качеств этой здоровой и высокой натуры. I а* ким образом, личность г-жи Жорж Санд является нам полною представительницею лучшей части поколения, воспитанного во Франции отчасти воспоминаниями о республике и империи, отчасти мистицизмом Шатобриана и Ламартина, отчасти романтизмом.

В нескольких словах напомним читателю содержание переведенной нами части «Записок», положение и характеры лиц, продолжающих действовать в 12-й главе I книги, с которой мы начинаем.

Если обращать внимание только на то, что имело влияние на будущую судьбу писательницы, содержание переведенной нами части рассказа, очень длинного, может быть сжато в немногих строках. Рассказ не доведен еще не только до рождения Авроры Дюпен (имя, которое носила г-жа Дюдеван до замужества), но и до начала знакомства ее отца, Мориса Дюпена, с матерью, Викториею-Софиею Делаборд. До сих пор автор излагал семейные воспоминания о своих предках — Морице Саксонском (побочною дочерью которого была .г-жа Дюпен, мать Мориса) и г. Дюпене, отце Мориса, который был откупщиком, меценатом энциклопедистов и другом Ж.-Ж. Руссо. Дюпен был уже стариком, когда женился на молоденькой девушке, которая жила с ним очень счастливо, но рано осталась вдовою и посвятила себя воспитанию сына. В революцию она лишилась большей части своего состояния, подвергалась опасностям во время терроризма, будучи подозреваема в сношениях с эмигрантами, потом, спасшись от грозившей погибели при помощи Дешартра, который был гувернером ее сына, Мориса, жила в своем поместье Ногане близ городка Лашатры.

Г-жа Дюпен, которую внучка, ею облагодетельствованная, представляет себе чуть не идеалом женщины, очень горячо любила своего сына, но до конца жизни хотела держать его в такой строгой зависимости от себя, какой могут подчиняться только маленькие дети.

Морис до конца жизни робел перед матерью, но тяготился надзором и старался тайком от нее наслаждаться свободою,

которой не смел защищать открыто и откровенно. Он рано поступил в военную службу и, подчиняясь сначала матери, потом жене в домашнем быту, был храбрым солдатом на поле битвы. От связи с горничною г-жи Дюпен у него был побочный сын, Ипполит. Г-жа Дюпен воспитывала ребенка в своем доме, прогнав мать его.

Виктория-София Делаборд, будущая жена Мориса и мать Авроры, была дочь простолюдина, промышлявшего обучением и продажею певчих птиц. Рано оставшись беспомощною сиротою, хорошенькая парижанка не устояла против соблазнов, ее окружавших, и потом вышла замуж, *скоро* овдовела и возвратилась к прежнему образу жизни. Когда началось ее знакомство с Морисом, она имела какого-то богатого покровителя. От первого брака была у Виктории дочь Каролина. Женщина благородного и решительного характера, Виктория-София Делаборд, несмотря на увлечения своей молодости, едва ли не более своего бесхарактерного мужа и его матери имеет прав на уважение.